

ПОЭТ ИЛИ ТЕОРЕТИК? ТВОРЧЕСТВО ЭЛЛИСА В ОЦЕНКЕ КРИТИКОВ

Елена Глуховская
(Санкт-Петербург)

Литературное наследие Эллиса в рамках русского символизма включает многочисленные переводы европейских символистов; несколько десятков критических статей; историко-литературную книгу «Русские символисты» (1910); трактат “Vigilemus!” (1914); а также две книги стихов — “Stigmata” (1911) и «Арго» (1914). Если переводческие, критические и историко-литературные труды Эллиса постоянно попадают в поле зрения читателей и литературоведов, то его поэзия прочно обосновалась на периферии исследовательского внимания. Не последнюю роль в таком положении дел сыграла, как нам кажется, современная поэту критика.

Задача нашей статьи — рассмотреть отзывы критиков на книги стихов Эллиса “Stigmata” и «Арго» и сделать вывод о месте Эллиса в истории русской литературы, которое отвели ему современники. Мы обнаружили около двух десятков печатных откликов на книги Эллиса, многие из которых ранее в научной литературе не упоминались. Они и послужили основным материалом нашей работы.

Книга “Stigmata” вышла в свет в 1911 г. и включала в себя 82 стихотворных произведения и предисловие. Стихотворения разбиты на три раздела, перед каждым из которых помещены строки из Ада, Чистилища и Рая «Божественной комедии». Ориентируясь на них, можно проследить, как в книге Эллиса разворачиваются дантовские страсти. Заканчивается книга стихотворением «Спасение», которое представляет собой итог пути героя. Пройдя через три ступени посвящения, он наконец-то обрел спасение, пришел в «Божий дом». В предисловии автор поясняет концепцию книги:

Эта моя книга <...> не представляет собой собрания отдельных <...> лирических переживаний. Во всей своей тройственной последовательности книга “Stigmata”, <...>, является символическим изображением цельного мистического пути. <...> Чисто художественная

задача этой книги заключается в нахождении символической формы воплощения того, что рождалось в душе не непосредственно из художественного созерцания, а из религиозного искания [Эллис 2000: 5].

Именно эти строки и стали камнем преткновения для большинства рецензентов.

Все известные нам отзывы на “Stigmata”, за единственным исключением, построены примерно по одной схеме: сначала критик цитирует отрывки из предисловия к книге, знакомя таким образом читателя с позицией автора; затем высказываются сомнения в том, что эстетическая критика вправе оценивать подобного рода произведения; затем доказывается, что все-таки оценивать “Stigmata” с позиции традиционной литературной критики можно и нужно, либо показывается неправомотность замыслов поэта; и далее с большей или меньшей степенью подробности перечисляются достоинства и недостатки книги. Естественно, недостатки преобладают. Наиболее часто упоминаемые из них — книжность, подражательность и немзыкальность поэзии Эллиса.

Максимально полно такая модель представлена в рецензии С. Городецкого:

Общая схема рецензий на книгу “Stigmata”	С. Городецкий (Речь. 1911 г. № 92. 4 апреля. С. 3)
1. Цитата из авторского предисловия (С. Городецкий, Н. Гумилев, Вл. Волькенштейн, В. Брюсов)	Авторское «вместо предисловия» возвещает, что эта книга «является символическим изображением цельного мистического пути», что «самые заветные субъективные устремления (пафос) автора ее касаются области, лежащей глубже так называемого «чистого искусства», а именно — области христианства, говоря точнее — католицизма.
2. Сомнение в том, что книга Эллиса может оцениваться литературной критикой (С. Городецкий, В. Брюсов)	Оставляя на долю любителей одегетики исследование целостности мистического пути г. Эллиса и всех других его качеств, мы не можем все-таки считать себя лишенными права отнестись к “Stigmata” как произведению художественному, и к г. Эллису как поэту.
3. Доказательство того, что критически оценивать подобные произведе-	Ибо только так можно начинать говорить об областях, глубже лежащих, где достаточно совершенны верхние пласты. Через плохо сбитую, неотворяющуюся дверь нельзя войти

<p>ния можно (С. Городецкий), либо констатация ошибочности позиции Эллиса (В. Брюсов, Вл. Волькенштейн, Н. Гумилев)</p>	<p>в строение; сквозь плохую поэзию не просветит религия.</p>
<p>4. Перечисление с большей или меньшей степенью подробности достоинств и недостатков книги (недостатки преобладают).</p>	<p>Г. Эллис пишет трудным языком: стихи его — типичнейшие вирши. <...> Похвален здесь, быть может, только упорный труд, с которым складывает поэт свои строки. <...> Но, преодолев тяжелый слог и стих, читатель попадает в круг своеобразных переживаний, составляющих содержание этой книги. Если символы ее не всегда достаточно углублены, не везде органически развиты, то все вместе они, действительно, представляют собой систему <...>.</p>

Именно рецензия С. Городецкого была напечатана первой — 4 апреля 1911 г. (книга Эллиса вышла 20 марта). Возможно, это и определило структуру остальных работ¹. Во всех статьях акцент делался на несоответствии теоретических положений книги и их поэтического обрамления. «Через плохо сбитую, неотворяющуюся дверь нельзя войти в строение; сквозь плохую поэзию не просветит религия» [Городецкий: 3], — писал С. Городецкий. Ему вторил Вл. Волькенштейн из «Современного мира»: «Не говоря уже об односторонней, преувеличенной, явно безжизненной тенденции автора, сборник стихов не может быть ясным и убедительным выражением “цельного мистического пути”»; автор напрасно пренебрегает художественными задачами» [Волькенштейн: 356]. При этом непосредственно примеры стихов Эллиса практически ни в одной статье не приводились. Вероятно, книга “Stigmata” воспринималась как неудачная попытка Эллиса-критика представить свои теоретические идеи в стихотворной форме. Именно об этом говорил В. Брюсов: «<...> религиозный пафос г. Эллиса гораздо более выразился в построении книги, в темах и

¹ Впрочем, следует признать, что подобное построение отзывов было весьма распространенным среди критиков того времени.

заглавиях стихотворений и в эпиграфах, чем в самих стихах. <...> Интересный критик, г. Эллис таким остается и в книге стихов» [Брюсов: 23].

Иначе построена обширная рецензия С. Адрианова в «Вестнике Европы» (1910). Она начиналась с определения места поэта в символистском движении: наряду с Блоком и Вяч. Ивановым Адрианов приписывал Эллиса к разряду т. н. «кающихся символистов», которые видят спасение от «аморального эстетизма» в «пробуждении религиозных основ души» [Адрианов: 337]. Затем критик определял свое понимание религиозности Эллиса, представленной в “Stigmata”: это — аскетическая ненависть к телу и душе человека, рабья приниженность перед авторитетом церкви, в недрах которой рождаются кошунственные сладострастные порывы к Христу, как Жениху, и Мадонне, как Невесте. Такое толкование главной темы книги прямо полемично по отношению к С. Городецкому, который понимал аскетический экстаз героев “Stigmata” как сокровенный порыв поэта, составляющий главное достоинство книги. Свою рецензию Городецкий заканчивал такими словами: «Именно здесь, во втором <цикле последней части. — Е. Г.>, родились самые красивые слова этой книги, раскрылся во всей полноте сокровенный порыв поэта — Святой Суза кончается такими стихами:

Святой страдалец! Ты — прообраз нам
отверженным, безумным, окаянным!
Дай мне прильнуть к твоим святым огням,
к твоим рубцам и язвам покаянным!..
Зажечь стигматы от твоих стигмат!
Да буду век безумным, сирым, странным!
Да выйду в Рай, благославляя Ад!

В этом иступленном, неистовом порыве — вся поэзия Эллиса» [Городецкий: 3]. В высшей степени показательным, что в рецензии Адрианова приводился этот же самый отрывок из стихотворения Эллиса, но ему давалось совершенно противоположное толкование. В заключении статьи критик приходил к неутешительным выводам: либо «религиозность, которой предается кающийся символизм, отнюдь не того рода, чтобы могла искупить грехи аморального эстетизма» [Адрианов: 340], либо книга Элли-

са «одно из многочисленных упражнений в стилизованной разработке всевозможных чужих настроений» [Адрианов: 340].

В полемике с Городецким в этом случае ярко проявилась борьба просимволистской критики и сторонников иных литературных направлений. Однако несмотря на это, Адрианов все равно воспринимал Эллиса прежде всего как критика, книга стихов которого становилась лишь поводом в очередной раз поспорить с символистской эстетикой.

“Stigmata” были опубликованы в марте, а в сентябре Эллис уехал в Германию слушать курс лекций Р. Штейнера. В Россию он больше не вернулся. В письме к М. И. Сизовой он сообщал, что М. Я. Сиверс, сподвижница Штейнера, «очень поняла мои “Stigmata” и очень их здесь пропагандирует среди русских» [Эллис: 48], однако никаких иных свидетельств о том, что книга Эллиса стала известна в русскоязычной среде за границей и тем более имела там успех, у нас нет.

Тем не менее, в 1914 г., когда Эллис уже почти три года жил в Европе и, казалось, совсем отошел от творческой деятельности, издательство «Мусагет» опубликовало его вторую поэтическую книгу — «Арго». Она включила в себя две книги стихов («Арго» и «Забытые обеты») и поэму «Мария». Авторское предисловие начиналось с объяснения, что

собранные в «Арго» стихотворения написаны в разное время за период с 1905 по 1913 г. Написаны они в совершенно различные часы жизни, под влиянием различных переживаний, стремлений и влияний, на разных ступенях пути. Тем не менее, собранные вместе, они являют внутреннее единство. Далекие всякой гармоничности, всякой последовательности, они кажутся неизбежными в самой смене путей, пройденных исканий, изменивших разбитых надежд и помраченных кумиров [Эллис 2000: 103].

Книга «Арго» имела автобиографический характер и стала символическим изображением пути Эллиса как поэта и жизнетворца.

Газетная и журнальная критика откликнулась на выход «Арго» неожиданно комплиментарными рецензиями, во многом прямо противоположными откликам на “Stigmata”. И главное отличие состояло в том, что явно наметилась тенденция к переосмыслению роли Эллиса в символистском движении. Так, если М. Шагинян, автор первой рецензии, еще писала, что «<Эллис

в «Арго». — Е. Г.> конечно, не поэт: но он, несомненно, человек с глубокими переживаниями, характер которых подчас вызывает к необходимости стихотворного их воплощения» [Шагинян: 4], то безымянный автор газеты «Приднепровский край» уже начинал свой отзыв словами: «Под псевдонимом Эллис скрывается молодой писатель, умный, вдумчивый, оригинальный и глубоко чувствующий. Его мистическое и религиозное настроение увлекает и поднимает душу на ту высоту, на которой должен стоять истинный поэт» [Приднепровский край: 7].

Таким образом, Эллис мыслился уже не как теоретик символизма, а как поэт-символист, занимающий свое особое место на литературной арене. Интересно, что предыдущую книгу Эллиса никто из критиков не упоминал и параллелей между ними не проводил. «Головной характер» [Налимов: 61] поэзии Эллиса при этом расценивался как оригинальное достоинство автора: «Г-н Эллис, по-видимому, принадлежит к тем авторам, что страстны к некоторому подчеркнутому (а не естественному и свободного для каждого символизму). Но он прозрачнее, проще и яснее многих из них» [Там же]. В целом же творчество Эллиса отражало, по мнению критиков, общие тенденции времени: «Четыре поэта, <...> четыре приема думать и писать, но на всех на них одна печать, печать современности, т. е. холодного изящества и изысканной надуманности. Наиболее интересен из всех этих четырех поэтов г. Эллис. У него ряд стихов, вполне могущих удовлетворить любителя современной поэзии» [Известия: 85], — так при представлении нескольких новых книг говорилось в «Известиях книжных магазинов М. О. Вольф». Авторское предисловие к «Арго» активно цитировалось критиками, но не вызывало возражений и споров, а лишь служило дополнением к поэтическому тексту, который в большом количестве приводился рецензентами. Даже взыскательный В. Брюсов, делая обзор русской поэзии за период с апреля 1913 по апрель 1914 г., ставил Эллиса в один ряд с Сологубом, Бальмонтом, Ходасевичем, Садовским, называя их всех поэтами, «ищущими нового на старых путях» [Брюсов 1914: 21].

Возможно, если бы «Арго» была последней опубликованной в России книгой Эллиса, Эллис-поэт и Эллис-критик в сознании современников заняли примерно равные позиции. Однако этому не суждено было случиться.

В конце 1914 г. в издательстве «Мусажет» вышел антиантропософский трактат Эллиса “Vigilemus!” [Эллис 1914]. Он явился своеобразным продолжением книги «Русские символисты» [Эллис 1911], попыткой по-новому взглянуть на будущее русского символизма, очистив его от примесей штейнерианства. Написанный за месяц до предисловия к книге «Арго», “Vigilemus!” во многом продолжал и теоретически обосновывал представленные в ней темы и идеи. Как следствие этого — 21 января 1915 г. в «Русских ведомостях» появилась последняя из известных нам рецензий на вторую книгу Эллиса, самая язвительная и разгромная, — Владислава Ходасевича. По своей структуре она поразительным образом напоминала отзыв С. Городецкого на “Stigmata” и безапелляционно отрицала все то, за что успели похвалить Эллиса предыдущие рецензенты:

В предисловии к своей книге г. Эллис говорит, что тому, кто хочет снова увидеть утраченный рай, открываются три пути <...>: крест монаха, чаша рыцаря и посох пилигрима. Воспевший достойно эти пути и эти три символа станет воистину поэтом религиозным. Но г. Эллис позабыл условиться с читателем в значении смутного термина «достойно». Если это значит: с достаточным уважением, и только, то написанная таким образом книга изымается из пределов художественной критики <...>. Однако нам кажется, что для истинно-достойного воспевания чего бы то ни было надо обладать самостоятельным автономным поэтическим дарованием. Такого дарования у г. Эллиса нет. Стихи его крайне немзыкальны, бедны ритмически и несмотря на напряженность религиозных исканий, <...>, весьма часто подражательны. <...> [a] это <...> убийственно для поэта религиозного, так как дает формальное право усомниться в его искренности» [Ходасевич: 6].

Фактически Ходасевич выносил приговор книге «Арго» и всему творчеству Эллиса.

“Stigmata” писались параллельно с книгой «Русские символисты», были опубликованы через полгода после нее и, развивая те же темы и идеи, были восприняты как иллюстрация пропагандируемого Эллисом-теоретиком спасительного направления в символизме. Погруженный в религиозные искания, ослепленный образом Р. Штейнера и совершенно оторванный от реальной жизни, Эллис-поэт не смог составить достойной конкуренции и существенно повлиять на расстановку сил на литературной арене. После

отъезда за границу и посвящения себя «штейнерианству» он окончательно потерял и без того слабое представление о современном литературном процессе в России. Его вторая книга стихов, в своей основе являющаяся неопубликованной по техническим причинам частью “Stigmata” и дополненная более поздними текстами, продолжала тему мистического пути поэта. Однако если в первой книге была представлена абстрактная модель мистического пути, то в «Арго» та же трехчастная модель была спроецирована на жизнетворческий путь самого Эллиса, а потому стихотворения оказались более реалистичными и живыми. В то же время присутствовала типологическая близость «Арго» в композиционном и автобиографическом плане с наиболее ярким образцом «младосимволизма» — «трилогией вочеловечения» А. Блока. Все это сделало вторую поэтическую книгу Эллиса «узнаваемой» для критиков и стало причиной ряда благоприятных отзывов.

Кроме того, важно помнить, что между публикацией первой и второй книг Эллиса прошло три года. За это время наметился некоторый сдвиг в читательском отношении к символизму в целом и к Эллису в частности. В 1911 г. символизм понимался как хоть и потерявшее свою былую мощь, но все-таки авангардное направление в литературе. К 1914 г. оно вынуждено было уступить передовые позиции акмеизму и футуризму. В результате для читателя книга «Арго» потеряла свой узко полемический и манифестационный характер, став лишь одним из многочисленных образцов общесимволистского искусства. Трактат “Vigilemus!”, оказавшись последней из опубликованных Эллисом в России книгой, заставил вновь переосмыслить его творчество и роль в истории русского символизма. За Эллисом прочно закрепилась репутация теоретика и критика, чьи поэтические опыты не заслуживают особого внимания.

ЛИТЕРАТУРА

- Адрианов: *Адрианов С.* Критические наброски // Вестник Европы. 1911. № 7.
- Брюсов: *Брюсов В.* <Рец. на кн.:> Эллис. “Stigmata”. К-во «Мусагет». М., 1911 г. // Русская мысль. 1911. № 7–8.
- Брюсов 1914: *Брюсов В. Я.* Год русской поэзии (Апрель 1913 г. – апрель 1914 г.). Продолжатели // Русская мысль. 1914. № 7.

- Волькенштейн: *Волькенштейн Вл.* <Рец. на кн.:> Эллис. Stigmata. Книга стихов. Книгоиздательство «Мусагет» // Современный мир. 1911. № 4.
- Городецкий: *Городецкий С.* <Рец. на кн.:> Эллис. Stigmata. Книга стихов. Москва. Мусагет. МСМХI // Речь. 1911. № 92.
- Известия: Известия книжных магазинов М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1914. № 4.
- Налимов: *Налимов А.* <Рец. на кн.:> Эллис. Арго. Стихи. Изд. «Мусагет». М., 1914 // Новый журнал для всех. 1914. № 6.
- Приднепровский край: Приднепровский край. 1914. № 5116 (18 апреля).
- Ходасевич: *Ходасевич Вл.* <Рец. на кн.:> Эллис. Арго. Две книги стихов и поэма. Из-во «Мусагет». М., 1914 г. // Русские ведомости. 1915. № 16.
- Шагинян: *Шагинян М.* <Рец. на кн.:> Эллис. Арго. Стихи и поэма. Книгоизд. «Мусагет», Москва, 1914 // Приазовский край. 1914. № 79.
- Эллис: *Эллис.* Письма М. И. Сизовой. 1908–1912 // РГАЛИ. Ф. 575. Оп. 1. Ед. хр. 20.
- Эллис 1911: *Эллис.* Vigilemus! Трактат. М., 1914.
- Эллис 1914: *Эллис.* Русские символисты: К. Бальмонт, В. Брюсов, А. Белый. М., 1911.
- Эллис 2000: *Эллис.* Стихотворения. Томск, 2000.